

18+

Ярослав Венд

**Армейские
записки**

Ярослав Венд

Армейские записки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283580

ISBN 9785449812315

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга о злоключениях обычного московского парня, домашнего мальчика, который по своей собственной вине и легкомысленности попал в армию. О том, кого он там встретил, в каких ситуациях побывал, что он там видел и слышал. Оформление и рисунки автора.

Содержание

Предисловие	5
Вступление	6
1	10
2	21
3	32
4	35
5	43
6	48
7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Армейские записки

Ярослав Венд

© Ярослав Венд, 2020

ISBN 978-5-4498-1231-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

О чём эта небольшая книга? Она о злоключениях обычного московского парня, домашнего мальчика, который по своей собственной вине и легкомысленности, попал в армию. О том кого он там встретил, в каких ситуациях побывал, что он там видел и слышал. Ни слова тут не придумано, всё основывается на армейском дневнике, который я вёл, пока находился в армии.

Не все записи легли в основу этого повествования, хотя и большая их часть, так как некоторые носят личный и конфиденциальный характер. Возможно, когда-нибудь, я и напишу всё без купюр. Имена и фамилии многих персон изменены. В целом же, это просто небольшое повествование о годе, проведённом вне дома, в весьма специфических условиях.

Все реалии, рассказанные тут, были характерны для периода 2007—2008 гг. Как обстоят дела в армии в нынешнее время, когда вы читаете это, я не имею ни малейшего понятия.

Однако, приступим.

Вступление

Эта история началась 22 июня 2007 года. Я в то время был студентом-раздолбаем исторического факультета двадцати двух лет от роду, который из-за своей глупости вылетел с пятого курса (правда я потом восстановился, но это уже другая история). А эта история только начинается.

Итак. Вылетев из университета, я беззаботно проводил время, собираясь осенью восстановиться на факультете, получал удовольствие от жизни и не думал ни о чём.

Однако, судьба приготовила мне большой сюрприз – 20 июня мне принесли повестку, в которой говорилось, что на следующий день я обязан был явиться в районный военкомат для прохождения медицинской комиссии. Это был шок.

Шокированы были все: я, родители, друзья, знакомые. Но, делать нечего, начались сборы и приготовления.

Мы не стали устраивать эти пошлые проводы с выпивкой, гулянками и прочей ерундой, должен заметить хорошо что не стали и я сохранил ясность и трезвость ума, бодрость тела и духа. На следующий день за мной приехала милиция и под конвоем увезла на медицинский осмотр в военкомат. Зачем такие почести с милицейским конвоем? Понятия не имею.

Вообще, сейчас, по прошествии лет, это всё выглядит смешно и глупо: за шуплым парнем, ростом метр с кепкой,

приезжают два здоровых кабана с автоматами на перевес, у которых фуражка на голову не налезает и китель трескается от жира. Они серьёзно думали что я бегать буду от них? Глупости. Только проблемы лишние. Хотя, конечно, органы оперативно отработали, но лучше бы они так с преступностью боролись. Впрочем, это отдельная тема.

Что я хочу сказать ещё, завершая вступление? Только одно – не знаю как сейчас, но тогда студенты попадали в армию исключительно по своей вине. Не надо было быть таким безответственным. Это правда. Забегая вперёд, честно могу сказать: «Если вы не были в армии, то и не надо, тогда она ничего не давала, вы ничего не приобретали. Это было просто впустую потраченное время». Хотя, определённый жизненный опыт это дало. Было полезно сменить привычную обстановку и взглянуть на жизнь под другим углом. Увидеть других людей, побывать в нестандартных ситуациях, а порой и просто в зазеркалье, где всё вроде как обычно, но перевёрнуто с ног на голову.

В данном рассказе я использую свои армейские записки, которые начал вести после получения травмы на одном из объектов (но, это я снова немного забегая вперёд) и если бы не эти записки, то скорее всего я бы просто получил нервный срыв. А так, они помогли мне сохранить душевное спокойствие и равновесие.

Когда я начал их писать, то встал вопрос о том как убереечь записи от лишних глаз. Пришлось придумывать шифр. При-

думать было намного легче, чем научиться правильно его использовать, без ошибок в словах. Но, со временем, я с этим вполне справился. Что из себя представляют эти записи? Это скорее заметки о ежедневном моём пребывании в армии, какие-то мысли, переживания, разговор с самим собой. В этой книге я не стал перепечатывать их слово в слово, тут они подвергнуты некоторой литературной обработке, а какие-то записи и вовсе не опубликованы. Не опубликованы они по следующим причинам: слишком личные, не всегда относятся к сути повествования. Возможно, когда-нибудь я напишу всё без купюр.

Можно сказать что оригинальные записи – это основа, костяк на котором будет строиться моё дальнейшее повествование. Я не пытался кого-то очернить или что-то придумать. Я всего лишь описывал то, что видел и то что слышал. Да, здесь есть моя авторская точка зрения. Это всего лишь история в которую я попал, такая, какая она была, ни больше ни меньше. Имена и фамилии упоминаемых людей заменены.

1

Медкомиссия в военкомате – это, конечно, та ещё песня. Вас заранее считают уклонистом, который всеми возможными и невозможными способами пытается не пойти отдавать долг Родине. Отсюда и хамоватое обращение с вами.

Пройдя через турникет, на пропускном пункте, на первом этаже, я оказался в небольшом холле. Интерьер тут не менялся, наверное, с семидесятых годов XX века: красный уголок, только без бюста Ленина, полузасохший фикус в горшке на полу, старый линолеум в заплатках, высокие зарешеченные окна, потёртый грязный тюль на окнах, вдоль стен деревянные старые откидные сидения, как в кинотеатрах, древний стол, державшийся на честном слове и тусклые подрагивающие люминесцентные лампы. И это в Москве.

На стульях уже сидели такие же как и я – привезённые на медосмотр. Нас было где-то 10—15 человек. Вышел какой-то военный с пачкой бумаг, прошёл к столу и стал оглашать наши фамилии, выдавая каждому обходной лист, в котором должны были потом расписываться врачи.

Ну вот, все получили свои листочки, сдали одежду в гардероб и побежали вдоль коридора, сверкая разноцветными трусами по кабинетам врачей.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что те врачи, которые нас осматривали сами страдают теми заболеваниями,

от которых должны по идее лечить.

Медосмотр прошёл быстро, так как ни на что не жаловался. Выдали мне заключение о моей годности к нестроевой службе, поставили штампы и отправили домой, вручив ещё одну повестку на следующий день, в которой говорилось о необходимости явиться 22.06.2007 в военкомат для отправки в армию.

Вернувшись домой, я рассказал что комиссия пройдена, годен к нестроевой и завтра с утра поеду в армию.

Точка.

Мама ничего не говорила, она была в шоке, подавлена, папа посоветовал держаться, быть начеку, аккуратней и не переживать, хотя глаза были грустные. Я же домашний мальчик всегда был. А тут такое приключение на нашу голову.

Купили тортик, попили чаю и пораньше легли спать. Сон ко мне не шёл, ворочался всю ночь. Слишком много было мыслей и давила неотвратимость призыва а также неизвестность. Куда попаду? Кого там встречу? Что будет? В общем вся ночь прошла в мучительных размышлениях и сомнениях. Только утреннее солнце развеяло эту грустную муть и придало мне моральных сил. Вернее я просто перестал думать обо всём этом, решил двигаться по течению, которое устроила мне Вселенная. Что будет то будет. Такой вот фатализм.

Итак, наступило утро. Выпив чаю с бутербродом, мы с родителями поехали в военкомат. С собой я взял предметы

личной гигиены, и вкусности, собранные мамой мне в дорогу: колбасу, курицу, конфеты, чай, печенки.

Родители остались ждать снаружи, вместе с остальными провожающими своих отпрысков родными, ну а я снова оказался в том же холле что и вчера. Единственное отличие в интерьере от вчерашнего дня заключалось в наличии древней табуретки, ядовито-зелёного цвета посередине помещения. Из тех с кем я вчера проходил медкомиссию мы не досчитались двоих. Что с ними? И почему их не было – не знаю. Да это и не важно. Вышел опять тот же военный, сделал переключку, отметил нас в своих списках и приказал рассесться по стульям вдоль стен. Странная картина: в центре комнаты ядовито-зелёная табуретка, тринадцать призывников на дражных стульях вдоль трёх стен, военный с пропитым лицом в красном уголке и все торжественно молчат, чего-то ждут. Наконец мы узнали чего же пришлось ждать, вернее кого. Пыхтя и переваливаясь, прибежал солдат срочник, который, как я догадался, служил при военкомате. «Не пыльная служба, однако – подумал тогда я». В руках он пытался удержать веник, совок и электрическую машинку.

– Ну, бойцы, кто первый? Будем брить вам головы, чтобы на сборочный пункт вы уже готовыми приехали. Давайте, кто смелый, не стесняемся. Не затягиваем – сказал он.

Процесс открыл один долговязый парень с длинными волосами. Пока его брили, к нам периодически подходила

древняя медсестра в белом халате и выдавала какие-то несуразные комментарии относительно каждого из нас.

Но, то что она сказала нам, как напутствие, в конце всех этих процедур, я запомнил на всю жизнь.

– Вот, мальчики, в этот день шестьдесят шесть лет назад многие уходили на фронт – мхатовская пауза, – и не возвращались, – добавила она, утирая слезу.

Вот спасибо тебе добрая женщина! Успокоила! Интересно о чём она только думала?

– А теперь, хватайте свои пожитки и на выход, карета подана, – торжественно объявил военный.

Мы подхватили сумки и двинулись на выход. Там нас уже ожидали родные, которые были немного шокированы нашим видом.

Я обнял родителей, расцеловались, получил от них напутствия, отдал им телефон, так как первое время он всё равно мне будет не положен, но взял с собой сим-карту, а затем пошёл в подъехавший чистенький и аккуратный микроавтобус, который повёз нас на сборочный пункт (Угрешка). Махнув рукой родителям из окна, я отправился в своё приключение.

Лёгкий утренний ветерок, залетавший в открытую форточку, охлаждал мою бритую голову, солнышко весело светило, люди за окном спешили по своим делам, а я ехал в неиз-

вестность. Честно говоря, в этот момент меня объяла ужасная тоска и безысходность. Но, это была минутная слабость. Потому что если вы попадаете в такие ситуации, то ни в коем случае нельзя им поддаваться, иначе вы в прямом смысле можете себя погубить! Как я потом это увидел на примере других парней. Если дать слабину, дать волю жалости к самому себе, вместо того чтобы взять себя в руки и просто воспринимать действительность такой, какая она есть здесь и сейчас, то огромные проблемы как с психическим, так и с физическим здоровьем вам гарантированы на сто процентов.

Взяв себя в руки, я задремал. Ну а что ещё делать? Всё решено, заняться не чем, встал рано. Поэтому сплю. Так сказать начал отрабатывать знаменитую фразу: «Солдат спит – служба идёт».

Очнулся от того что автобус резко остановился и я стукнулся лбом о спинку переднего сидения. Не сильно, но чувствительно. Мы приехали.

Странное место. Кирпичное КПП а за забором школа. Я сначала не понял что это и где мы. Просто в такой же типовой панельной трёхэтажной школе я и учился. Но, лишь внешним сходством тут всё и ограничивалось. Мы вышли из автобуса и нас повели внутрь. Усадили на пластиковые стулья, которые по-моему были самыми неудобными стульями в мире, больше я таких нигде не встречал, хотя нет, на Московском вокзале в Ярославле такие же отвратительные были

когда-то. Через пять минут сидения начинают болеть ноги, спина, зад и всё тело. Посмотреть бы в глаза тому человеку, что их создал.

А тем временем, за окном погода разгулялась и было уже с утра градусов двадцать пять а тут, в помещении полно молодых парней с похмела, все дышат перегаром, но окна закрыты наглухо, наверное, чтобы мы не расползлись. Хотя, некоторые этого сделать не смогли бы при всём желании, они были в таком состоянии что ни петь, ни танцевать, ни лаять не могли. Как их вообще сюда доставили? По углам лужи блевотины, источающие миазмы, запах пота, ног, перегара. В общем то ещё удовольствие. Напротив меня сидел парень, вроде в сознании и адекватный. Я у него поинтересовался по поводу того – долго ли тут торчать и чего все ждут.

– Так ты не в курсе? – Сказал он.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил я.

– Мы тут все ждём купцов

– Кого?

– Ну купцов, офицеров, которые приезжают из разных частей и согласно своим разнарядкам набирают солдат.

– И как долго этого ждать?

– Ну я вот уже третьи сутки сижу тут.

– Понял, – сказал я и немного приуныл.

Периодически подбегали какие прыщавые молодые люди, предлагавшие сделать фото за 150—300 рублей, обещая что через неделю фото уже будет у родителей. Я поддался. Вре-

мя ползло медленно, а так хоть какое-то развлечение. В общем, завели меня в каморку, дали декоративный безразмерный то ли китель то ли бушлат, фуражку, сфотографировали, деньги взяли. Кстати, через неделю фотографии и правда были готовы и доставлены по адресу.

Но вот, подбежал какой-то военный с выпученными глазами подозвал меня и ещё четверых парней. Отправил нас на повторный медосмотр. По какому принципу он нас вызвал, я без понятия. Вообще многое потом в армии мне казалось нелогичным. Медосмотр выглядел примерно так:

– Жалобы есть?

– Нет.

– Здоров.

– Жалобы есть?

– Есть.

– Что болит?

– Ноги.

– Плоскостопия нет, значит, не болят. Здоров. Следующий!

Проставили штампы в наших личных делах и отправили дожидаться своего будущего в помещение с партами и стульями.

Сидим, ждём. Возле окна за большим столом мордатый такой военный, китель на котором трещит по швам, он обливается потом, окна же закрыты, душно. Я сидел напро-

тив него и чувствовал всю вонь, источаемую им. Я как-то был в свинарнике, на ВДНХ, так вот там воняло также как от этого военного. Только я собрался пересесть подальше, как в комнату вошёл высокий стройный лейтенант.

Это и был, так называемый, купец. Он долго шушукался со свиномордым, посмеивались и посматривая на нас с некоторым хитрым выражением лица, от чего было немного не по себе.

В общем после небольшого совещания, они отложили в сторону три дела и куда-то вышли.

Прошло минут 15—20, они вернулись, встали возле стола и назвали три фамилии: мою, и ещё двух ребят.

– Ну что, бойцы, не годные к строевой службе, шуруйте в гардероб и получайте форму, вы поедете с лейтенантом Царёвым.

– Давайте, шевелите булками, время идёт, нам ещё на поезд нормальный успеть надо, – сказал лейтенант.

Вот кстати, слово которое мне совершенно непонятно при обращении к человеку – «боец». Что вы подразумеваете? Боец для меня это спортсмен, боксёр, атлет, ну или боевой хомячок на худой конец. Но такое обращение к солдату, я считаю, унижительным да и к тому же оно всегда с каким-то уничижительно-сочувствующим тоном произносилось. Типа ах ты дебилушка убогий, что же с тебя взять ущербненький.

Есть же нормальные слова – воин для того кто воевал, солдат. Служивый в конце концов, простое слово, знакомое

с детства по сказкам. Но нет, всегда это мерзкое «боец». Однако, я отвлёкся.

Нас отвели в гардеробную, где мы разделись до трусов, аккуратно сложили свою гражданскую одежду, в выданные нам полиэтиленовые мешки, написав на них свои домашние адреса. Через пару дней одежда была доставлена в целости и сохранности домой. Знаковый момент – получение формы. При моём небольшом росте подобрать форму нужного размера было непростым делом. Солдат, выдававший её, изрядно со мной намучился. Всё подбирали на глазок. С горем пополам подобрали мне китель, штаны и фуражку. Которая однако была странной и выглядела как конфедератка. С сапогами разобрались на удивление быстро, хотя я ожидал обратного. К сапогам полагались портянки. Навыков по намазыванию портянок у меня ещё не было, поэтому пришлось их аккуратно сложить и надеть сапоги прямо на носки. Без портянок сапоги болтались. Так что при ходьбе я немного загребал ими.

Отойдя в сторону, и глянув в зеркало, которое висело в углу, я увидел себя со стороны. О, это было что-то! Но выбора у меня не было, поэтому пришлось смириться с этим глупым и убогим видом. Однако, это был ещё не самый глупый вид, который мне был уготован Судьбой.

Но вот, переоблачение было окончено и мы все четверо вышли на улицу, закурили.

– Кто не курит, тот работает, – сказал лейтенант.

– Товарищ военный, а что это за войска такие, куда мы едем? – спросил я, указывая на странный шеврон на его плече, на котором была изображена крепость с перекрещёнными топорами.

– А это сюрприз будет, – с хитрой улыбкой ответил он.

Не сильно меня такой ответ обнадёжил и даже насторожил.

– Ну а хоть в какой город то мы едем? – спросил парень из нашей компании.

– Как в какой? Я разве не сказал? В город трёх революций, славной город Ленинград, – бодро отрапортовал он.

У меня от души отлегло. Питер это не так страшно. А то уехал бы на Дальний Восток и всё, привет горячий. Не то чтобы я не любил Дальний Восток, у меня там даже родственники где-то живут, просто радостно, что место службы не так далеко от дома.

– Итак, бойцы, предлагаю познакомиться. Я лейтенант Царёв.

– Моё имя Ярослав, – сказал я.

– Моё Андрей, – сказал тощий парень со злыми глазами.

– А я Федя, – ответил пухлячок, который ехал со мной из военкомата ещё.

– Ну, вот и отлично. А теперь в путь. Хочу успеть с вами на поезд повышенной комфортности, не люблю трястись в плацкартах. За мной!

Мы подхватили сумки и двинулись за ним. Забавная была

походка у нашего лейтенанта. Не военная, отнюдь. Он шёл, как плыл, походкой от бедра, задорно виляя задницей.

Я был немного в шоке. Хотя, какая мне разница.

До Ленинградского вокзала мы добрались довольно быстро и без происшествий. Был уже вечер, мы сидели и ждали поезд. А пока ждали, учились наматывать портянки. Честно говоря я в себе сомневался, а зря. Довольно быстро научился это делать и оценил всю их прелесть, это действительно комфортно.

Подали поезд, мы заняли свои места, я сел рядом с лейтенантом, достал приготовленную мамой курочку, мы поужинали, немного поболтали о разном и уснули. А утром мы были в Петрограде. И вот тут уже начинается основная моя история.

2

Раннее утро, солнышко золотило кровли домов. Московский вокзал. Центр города. Рядом Невский проспект. Петербург, как много ассоциаций сразу рождается в голове... Но, я думал о другом. Сколько раз меня приглашали знакомые на выходные или на каникулы съездить в Питер! А я всё отнекивался, говоря что это скучный, противный город, в котором одна сырость и тоска. И вот, Судьба решила подшутить, отправив служить именно в этот город. В следующий раз пусть в Монако приглашают.

Бодрым шагом мы направились к выходу с вокзала. Лейтенант названивал по телефону и о чём-то спорил. Как я понял, за нами должна была приехать машина из части, чтобы мы своим ходом, на общественном транспорте не добирались. Да, часть находилась в черте города, хоть и на окраине. Это в общем радовало. Однако, машина то ли сломалась, то ли не было бензина.

Пока мы стояли и курили возле вокзала, лейтенант упорно продолжал кому-то названивать. В итоге за нами приехал сам командир части на своей личной машине – подполковник Глухарёв, мужчина среднего роста, полного телосложения, с хитрым и недобрым взглядом, тонкими губами, которые на разъевшейся роже смотрелись как два червяка. Нас троих посадили на заднее сидение, я сидел ровно посередини-

не, зажатый с двух сторон будущими сослуживцами и сумками. Ехать было недалеко, по мосту Александра Невского, далее по Малоохтинской набережной, выехали на Пискаревский проспект, а уже оттуда на Шафировский.

В общем минут 35 не более. По дороге мы молчали. И я терялся в догадках, в какие же войска мы попали? Нам ведь так и не сказали это. Просто бред. Что за глупая секретность? Подъехали к части. Что открылось нашему взору? Пустырь, вокруг непонятные здания промышленного назначения, классический советский бетонный забор окружал территорию части, обшитая сайдингом казарма в пять этажей, КПП, какое-то обшарпаное двухэтажное здание (как потом выяснилось, это был, прости Господи, штаб). Ворота торжественно открылись, мы въехали, ворота закрыли и пришло осознание, что теперь я могу рассчитывать только на себя, на свой мозг и какие ни какие, но моральные установки, потому что выдающимися физическими данными я никогда не выделялся, но, меня это никогда особо и не беспокоило.

– Ну, бойцы, приехали. На ближайшие полтора года это будет вашим домом, – сказал подполковник, кряхтя, вылезая из машины.

– Эй, живо сюда! – Скомандовал лейтенант трём парням, которые курили возле КПП.

Мы достали из багажника свои сумки и осмотрелись. Подошедшие парни оказались сержантами.

– Отведите их в столовую, ознакомьте с частью и выдайте

что им положено, – скомандовал подполковник, сел в машину и уехал.

Ну а лейтенант Царёв ничего не сказал, только прикурил сигарету и скрылся в неизвестном направлении, виляя пятой точкой.

Мы двинулись в сторону длинного одноэтажного здания, с большими окнами, которое, собственно и было столовой. Зайдя внутрь, я увидел чистую прихожую и гардеробную, раковины для мытья рук и чистые полотенца. Всё чистенько и аккуратно. Да и внутри столовой был полный порядок. Длинные столы застелены клеёнкой, чистые скамейки, чистый пол. В общем, не придерёшься и пахнет вкусно.

Сев за один из столов, мы стали знакомиться. Выяснилось что два сержанта из Ярославской области, а у меня там дача как раз, оказалось что они недалеко от неё живут. Прямо почти земляки. Мелочь, а приятно. Да и вообще ребята вполне приятные и простые. Вот чисто русский типаж молодого, простого, честного парня. Я достал из сумки вкусняшки: краковскую колбасу (какая же она была раньше вкусная, а под водочку, да с бородинским хлебушком и горчичкой – это вообще песня), печенье, конфеты и отдал ребятам. Ну и пару пачек хороших сигарет. Всё равно сам я это не съем, а ребятам приятно будет. Мне не жалко.

Попросил что-нибудь попить, потому как во рту у меня пересохло. Я подошёл к раздаче и попросил что-нибудь попить. Мне налили яблочный сок, холодный, яблочный сок.

О Боже! Какой же этот сок был вкусный! Сразу же вспомнил своё детство, когда приходил к папе на работу. А он работал в магазине, в котором ещё была маленькая кафешка, где стоял старый автомат, разливавший сок в бумажные стаканчики. Причём сок был натуральный, настоящий. И вот, в армии я снова нашёл этот вкус! Неожиданно и очень приятно было.

Вообще, в жизни надо стараться подмечать и запоминать приятные и простые моменты, ценить их. Ведь никто не может сказать когда мы снова испытаем радость. Копить надо приятные моменты жизни, это наше сокровище.

Кстати, вся посуда была пластиковой, кроме ложек и вилок. Первые полчаса от армии у меня оставили очень приятные впечатления. Но, в скором времени меня ожидала ложка дёгтя.

– Ну что как вам наша царица? – спросил один из сержантов, Олег.

– Ну, как сказать, нормальный, походка странная только.

– Это точно, и походка странная и сам он странный, мутный товарищ, будьте аккуратней с ним, он тут года полтора только, а уже всех задолбал, – посоветовал второй сержант, Игорь.

А мы тем временем прошли мимо штаба. Очень контрастировала его обшарпанность и, я бы даже сказал, убогость с приличного вида казармой, а ещё возле него росли шикарные кусты шиповника, которые цвели и испускали дивный аромат. За ними, очевидно, неплохо ухаживали.

– Кстати, наша часть снималась в фильме, – сказал третий сержант Панков.

– Да, да. Точно. «Золушка в сапогах» называется фильм, – подтвердил Олег.

– Ну надо же! Приеду домой – посмотрю, – сказал я.

Это чистой воды правда. Если вы хотите увидеть часть в которой я служил, то не надо ехать в Питер достаточно найти на просторах сети Интернет фильм 2002 года выпуска под названием «Золушка в сапогах» и вот иллюстрация моей части. Сам фильм, конечно, не высокохудожественный, но разок посмотреть можно.

А мы тем временем подошли ко входу в казарму. Вход как вход, обычный подъезд. Вообще их было два: один ближе к штабу, другой в дальнем конце (именно это был наш). Вдоль казармы росли пышные кусты. У меня в голове сразу всплыли страшилки с гражданки, о том как красят траву и ровняют её маникюрными ножницами, а листья к кустам приклеивают клеем. Но эти мысли я оставил при себе и не стал озвучивать.

Войдя в подъезд, прямо перед нами была дверь с надписью «Сан. Часть». Слева пролёты лестниц, ведущие в казармы. Мы поднялись на второй этаж и постучались в дверь. В ответ раздалось: «Фамилия, звание, цель прибытия?»

– Коля, ты охренел?! Живо открывай! Свои, – сказал улыбаясь сержант Панков.

Раздался щелчок шпингалета и дверь открылась. Мы ока-

зались в «располаге», как тут говорили.

Перед нами небольшой холл, справа тумбочка дневального и какое-то помещение, слева – туалет с помывочным блоком, так сказать и каптёрка. Вот туда то мы сначала и направились.

Каптёрка как каптёрка, ничего особенного: запах гуталина, нафталина и кирзовых сапог, стеллажи с мешками в которых лежало постельное бельё, кителя, бушлаты и шапки. В общем обычная кладовка. Возле окна стоял большой стол.

– Так, ребята, надо вас досмотреть, чтобы вы не привезли, по незнанию, каких-нибудь запрещённых вещей, – сказал сержант Панков.

– Ас-саламу алейкум! – раздалось громкое приветствие, когда в комнату вошли два рослых кавказца.

– Шалом, правоверные. Чего орёте? – ответил им Олег.

– А что? Нельзя? Чем занимаетесь? Духов досматриваете?

Мы тоже хотим глянуть.

– Сами то такие же духи. Всего на месяц раньше приехали. Не вешайте лапшу на уши людям, – сказал Панков.

– Да пошёл ты, – сказал один из кавказцев и двинулся к столу, прямо к моей сумке.

Ну так как у меня там ничего особенного не было, кроме новой зубной щётки, зубной пасты, салфеток, мыла и походного Евангелия от Матфея, то мне было всё равно. Он бесцеремонно залез в неё и стал вытаскивать названные предметы. Швыряя их на тюки. Но вот когда он собрался швырнуть

Евангелие, я не выдержал и вырвал его из рук. На его лице отразилось изумление, типа как я посмел так себя вести.

– Я твой Коран не швыряю, вот и моё Евангелие не трогай, – решил сразу объяснить я.

– Ну, хорошо, – сказал он с улыбкой и недобрым взглядом, – но всё остальное я забираю.

– Да забирай, – ответил я, посчитав глупым в первые же часы ссориться из-за такой мелочи с неприятными людьми.

Хотя, зубную щётку он не забрал.

С остальными сумками было проделано то же самое. В общем, всё что могло представлять интерес для этих двух горцев было ими взято и переключало в их прикроватные тумбочки.

Вообще, я потом заметил, что если обижают слабого, который не даст отпор, грабят, издеваются, унижают, то в первую очередь надо искать горцев. Они как коршуны слетаются, если что-то плохо лежит и это можно отобрать, конечно, если им за это ничего не будет.

– Что это за два орла с Казбека, – спросил я.

– Это братья Ильхам и Руслан. Ильхам старший, а тот что с тобой разговаривал – Руслан, младший и более дикий. Ты бы поаккуратней с ними был. Пару недель назад они порезали одного парня, не сильно, но в госпиталь его увезли, – посоветовал мне Игорь.

– Ну ничего себе! И они до сих пор тут? – удивился я.

– А нож не нашли, доказательств нет. Так что ребята, про-

шу, не нарывайтесь. Особенно ты, Ярослав, – сказал Олег, намекая на то что я итак маленький, щуплый, физическими данными не выделяюсь.

– Всё будет нормально, – пообещал я.

– Ну тогда пошли в распорягу покажу вам ваши шконки, – бодро сказал Панков и мы вышли из каптёрки.

Кстати, рядом с каптёркой был небольшой спорт зал: маты, штанги, гири, гантели. Пройдя мимо тумбочки дневального мы узнали что помещение рядом с ним – это хоз блок, где гладят форму, подшивают воротнички, чинят одежду. Расположение представляло из себя большое помещение, разделённое колоннами на три части (нефы), прям как в античных храмах. Ну конечно, колонны не дорические, не ионические, ни тем более коринфские, а обычные квадратные, советские железобетонные, типовые. В боковых нефях стояли ровными рядами кровати, сбоку прикроватные тумбочки, в ногах табуреточки, нехитрая мебель сделана из железа и дерева. В дальнем конце всей этой советско-античной истории было ещё одно помещение с телевизором и партам (так называемый красный уголок или классная комната) и ещё какое-то помещение, которое было закрыто на замок и сержанты понятия не имели для чего оно нужно. Ну и запасной выход, который был закрыт снаружи и изнутри. На полу постелен новый линолеум, всё выкрашено в светлые бежевые тона, пластиковые окна и плинтуса. В общем, а-ля пионерский лагерь.

Нам показали наши кровати, они же шконки. Что это? Обычная железная кровать с ватным матрасом, простынь, подушка, пододеяльник, и шерстяное одеяло насыщенного синего цвета, которое, кстати, жутко кололось, а со стороны ног на нём был рисунок из трёх полос. Это не для красоты. При заправке кровати, все полосы в ряду должны совпадать. Зачем? А хрен его знает. Так положено. А ещё нам выдали по два вафельных полотенца: одно для ног, другое для лица.

Да, кстати, в столовой мы всё же узнали, наконец-таки, в какие же войска попали. А попали мы в Федеральное Агентство Специального Строительства Спец. Строй России. Это не «стройбат», как многие думают. Датой рождения Спецстроя России считается 31 марта 1951 года, когда постановлением Совета министров СССР №1 032—518сс/оп, с целью создания системы ПВО «Беркут» вокруг Москвы, на основе Строительной организации Главного управления лагерей промышленного строительства (Главпромстрой) Министерства внутренних дел СССР создано Строительное управление №565 (СУ №565) МВД СССР.

27 сентября 2017 года Федеральное агентство специального строительства (Спецстрой России) как юридическое лицо было ликвидировано.

Ну не могу я, как учитель истории по образованию, обойтись без небольшой исторической справки.

Нам выдали белые кусочки ткани, металлические петлицы и шевроны.

– И что с этим делать? – спросил я

– Подворотничок подшить к воротнику, шевроны аккуратно пришить к кителю, а петлицы аккуратно приладить к воротнику, чтобы всё было ровно и аккуратно.

– Ясно, понятно. Чего тут не ясного? А вообще подворотничок для чего нужен? – снова поинтересовался я.

– Военный человек в любой ситуации должен выглядеть опрятно. Подворотничок на кителе предназначен для того, чтобы показать, насколько чистоплотен его хозяин, но изначальная его функция состоит в защите кожи шеи от натирания. Подшивать подворотничок на военной форме нужно каждый день, причём делать это надо быстро и качественно, – с менторской интонацией и улыбкой сказал сержант Панков, – так что тренируйтесь, до ужина у вас полно времени.

И мы засели за этим делом в хозяйственном помещении. Играло радио, мы переговаривались ни о чём, но вот открылась дверь и появился Руслан.

– Ну что, учитесь подшивать? Правильно мне как раз рабы нужны для этого дела.

И двинулся прямо ко мне. Я не испытывал страха, только злость к этому человеку, мне было противно находиться с ним в одном помещении. Но, так как деваться было некуда, то старался казаться невозмутимым и продолжал учиться подшивать.

– Ты мне сегодня подошьёшь мой китель, – сказал он, при-

обняв меня за плечи.

– Что? – спросил я, холодным тоном, приподняв бровь, – ты ничего не попутал?

– Борзый, – задумчиво сказал он и отошёл от меня.

В конечном итоге подшивать ему подворотничок стал пухлячок Федя.

– А где все, кстати, – поинтересовался я у сержанта, – в части как будто ни души, кроме этих горных козлов, ой, пардон, орлов.

– Все на объектах. Тут у нас такой распорядок: подъём, пробежка, умываемся, построение, завтрак, развод по объектам и к вечеру возвращаются все, опять построение, ужин, умывание, отбой. И так день за днём. В общем, скучать не приходится.

– Объекты? Секретные? – с улыбкой спросил я.

– Ага, как же. Часть едет строить стадион Zenit, часть едет на строительство новой дамбы, часть едет на строительство завода в Шушарах, там то ли Дженерал Моторс, то ли ещё кто строится, ну и так, по городу разные стройки.

– Ясно. В общем, ничего военного.

– Ничего. Так что никаких секретных объектов не ожидается.

3

Небольшое отступление, посвящённое уголовному жаргону и не армейским понятиям. Для начала скажу, что там где я служил, службу воспринимали, как нахождение в местах не столь отдалённых, просто с более мягким режимом. В то время в армию попадали по нескольким причинам: во-первых, по собственному желанию, идейные (обычно это нормальные адекватные ребята), во-вторых, те кто бежал от тюрьмы и у кого был выбор – либо на нары, либо в армию, понятно что они выбирали, в-третьих, студенты и те кто не убежал от неё. В большинстве случаев, призывники из сел или небольших городков, разбросанных по просторам нашей Родины. Поэтому я, как москвич, историк по образованию, был некой диковинкой. Те ребята, что ехали со мной из Москвы, не были москвичами, они просто прописались у родственников незадолго до призыва. После армии, многие из отслуживших не возвращаются обратно.

Их можно понять, ведь в родных пенатах нет ни работы ни денег, ни девушек. Поэтому, многие искали возможность охмурить девочку с квартирой в Питере и жениться на ней, даже если она с ребёнком, это не имело значения, ведь главное в крупном городе остаться, прописаться и забыть своё родное болото, как страшный сон. Но это я говорю на основании тех разговоров, которые слышал в части, а потом

и в госпитале. Возможно, это только мне такие люди попадались... но, повторяю, что ни один из тех с кем я общался, не хотел возвращаться домой и ненавидел свою малую Родину (за исключением нескольких людей).

К тому же, разве может быть нормальной армией та, в которой уголовные понятия и феня?! Я порой с ужасом думал: «А если война?! Что эти люди будут делать в таких условиях? Как они себя поведут? Да ещё с оружием в руках! Не думаю что героически». Можно сколько угодно в школе, ВУЗе или по телевизору заниматься патриотизмом. Однако, когда человек видит окружающую его беспросветную реальность, о каком патриотизме может идти речь. В критической для страны ситуации, никто не сможет предсказать, как поступит человек, разочаровавшийся в своей Родине...

Что же касается ребят, то в большинстве случаев это мальчишки восемнадцати лет, которые в общей массе своей лишь девять классов окончили и до армии не понятно чем занимались, потому что работы нет, техникумов нет, специализацию негде получить. В голове каша и душевный диссонанс. Куда неокрепшей душе податься? Кто для них авторитет? Это трагедия нашей Родины, когда авторитет – это вор, хапуга, барыга. Вот отсюда их подверженность тюремной романтике. Им просто никто не объяснил, что это не романтика, это трагедия страны. И вот такой контингент, в основной массе, приходил тогда в армию. Без образования, с мозгами набекрень, совсем дети. Это можно было поправить, если бы

офицеры проводили работу с личным составом. Но нет.

Офицерам главное что? Выслуга лет, пенсия, квартира и гори оно всё потом синим пламенем. Никто не станет заниматься такой глупостью как воспитывать личный состав. Намного проще наказывать за проступки, не объясняя причин и не работая с людьми. Хотя, молодые офицеры, только приехавшие в нашу часть, были очень деятельны, их глаза горели, они хотели поменять жизнь части к лучшему, старались занять личный состав какими-то делами. Устраивали соревнования, хотели сделать стенгазету, читали лекции по истории. Но, прошло пару месяцев общения с более старшими коллегами и их глаза потухли, лица стали кирпичом, улыбка пропала, появилось высокомерие и хамство. Болото их поглотило и переродило.

Из красивых, статных лейтенантов, для которых офицерская честь не пустые слова, они станут жирными боровами, майорами, капитанами, а кто-то и выше. И будут они свинорылым хамлом, которое гребёт под себя и боится только вышестоящего начальника, которому они будут лизать зад в надежде получить кусочек пожирней да погуще. А эти юные офицеры умрут в них навсегда.

Так что там, где я служил были полууголовные порядки, безысходность, всеобщее неуважение, страх нижестоящего перед вышестоящим.

4

Итак, до присяги оставался ещё месяц и мы, новобранцы, были в непонятном статусе – уже не гражданские, так как паспорта у нас забрали и заперли в сейфе, который находился в кабинете командира части, но ещё и не солдаты, потому как присягу мы, соответственно, не принесли и военные билеты нам не выдали.

Поэтому просто знакомились с частью, входили в ритм подъёмов и отбоев, знакомились со старослужащими и друг с другом. В течении этого месяца периодически подтягивались небольшие группы новобранцев с разных уголков Родины, учились ходить строевым шагом по плацу, занимались, если можно так сказать, физ подготовкой: бегали, подтягивались, отжимались.

Офицеры присматривались к нам. Узнавали кто откуда и чем на гражданке успел позаниматься. Двоих ребят, местных, Питерских, умевших водить машину, тут же, ещё до присяги определили в водители. Они пропадали в гараже целыми днями и лишь к отбою возвращались в расположение. Дошла очередь и до меня. Похоже прочли моё личное дело. Вызвали в штаб. Прихожу, поднимаюсь на второй этаж, в кабинет, так сказать особиста. Сидит майор.

– Проходи, присаживайся. – Говорит он, показывая на стул перед своим столом.

– Спасибо, товарищ майор, – отвечаю я, садясь на стул.

– Значит, из Москвы?

– Так точно.

– Хорошо. Почти университет окончил?

– Да, хотел вот в академический отпуск, но не успел, – с улыбкой ответил я.

– Понятно. На этом, как его... компьютере работать умеешь?

– Ну, можно сказать уверенный пользователь.

– Вот и хорошо. Значит так, завтра придёшь после завтрака в штаб, зайдёшь в бухгалтерию. Там будет сидеть Серёга. Он осенью на дембель уходит, будешь его заменять. А он тебя как раз в курс дела введёт. Понял?

– Так точно, товарищ майор. Разрешите идти?

– Иди.

Так вот меня ещё до присяги определили в штаб, в бухгалтерию, делопроизводителем.

Где-то через полторы недели приехали дагестанцы, шесть человек. Что интересно, весть об их приезде разнеслась по нашей роте за пару дней до самого приезда. Для меня это было как-то странно. Ну едут шестеро горцев, ну и Бог с ними, нас то тут шесть десятков, минус два орла с Казбека. Что тут такого? Но этот приезд у многих новобранцев вызывал какой-то трепет. Я не знаю с чем это связано, в чём кроются психологические корни данного феномена. Для меня и по сей день это остаётся большой загадкой.

Приехали. Шесть детин. Здоровые, крепкие, держатся вместе, обособленно от всех, ни с кем не общаются, сидят только в учебном классе, шушукались на своём языке и посматривают на всех исподлобья. Я сразу заметил у них главного – здоровый такой кабан, лет под тридцать на вид, на самом деле ему было двадцать шесть. Но они все старше своих лет выглядят. Так вот, старший присматривал за остальными, младшими. Это я взял себе на заметку.

Прошло пару дней и они стали наводить свои порядки: это им не так, то им не сям, ты сделай это, а ты сделай то, постирай китель, почистить сапоги, ну и так далее.

Кто отказывался – того отводили в сторонку для профилактических бесед, так сказать, после которых, выбранные прислужники возвращались весьма помятыми.

Первым делом они хотели меня сделать одним из таких служек, ну в силу моей довольно сублильной комплекции и невысокого роста я был просто идеальной кандидатурой. Однако, к тому времени я уже работал в штабе. Прознав об этом, их поползновения в мою сторону быстро отпали. Как никак работа в штабе, с офицерами, это для них служило некоей красной чертой, за которую они не посмели переступить.

А вот другие товарищи вкалывали на них по полной. В общем это всё довольно некрасивая и обидная история. Они не делали ничего по хозяйству, только занимались в спорт зале, ели, спали и по пять раз, как и положено правоверным,

совершали намаз. Из той комнаты, которая была всегда закрыта, они сделали молельню (ведь нашли же ключ от неё где-то) и не принимали участия в общих делах роты. Всё это при полном попустительстве офицерского состава. А потом спрашивается откуда что берётся.

Как-то я спросил у старшего: «А почему вы не убираетесь не застилаете свои кровати, не делаете ничего вместе со всеми?» На что мне был дан однозначный ответ, после которого они перестали меня интересовать вообще: «Аллах и Коран запрещает нам это делать». Вот так. Коротко и ясно.

Ну да Бог им судья. Для меня они не представляли всё равно никакого интереса, никаких общих дел с ними не имел и в расположении я появлялся только перед отбоем, проводя основное время в штабе.

А чем же я там занимался, в штабе то? Да ничем особенным, составлял меню на неделю, высчитывая калорийность блюд в меню. Дело в том, что калорийность строго определялась и, комбинируя разные блюда, надо было придерживаться нормативов (о том как нас кормили в части я расскажу позже), исполнял мелкие поручения офицеров, помогал на складе с учётом материальных средств или, откровенного говоря, бессовестно дрых в кабинете. Компьютер был древний, зависал постоянно, работать на нём было почти невозможно. В бухгалтерии работали гражданские служащие – очень добрые и милые женщины, которые периодически звали на чай с конфетами. Атмосфера была спокойной и даже

не чувствовалось что ты в армии. Ну, пока в расположение не придёшь.

Я влюбился в одно место в части. Это дальнее КПП. Там никого не было, дверь была на замке, но рядом росли шикари-шейшие кусты жасмина. Они источали такой чарующий запах, жужжали пчёлы, место было уединённым и тихим. Вокруг всё утопало в зелени. Просто волшебно. Так шёл день за днём, приближался момент принесения присяги. А перед этим случились пару неприятных моментов. Но обо всём, по порядку.

Как я уже и говорил, штаб был обшарпанный снаружи и внутри тоже. В одном из кабинетов на первом этаже затеяли ремонт. Я помогал в этом деле, выносил мусор, подметал штукатурку, которую соскабливали со стен и потолка. К этому дело приписали и дагестанцев. Ну как приписали, так, для галочки. Всё равно они ничего не делали, груши околачивали только. Перед обедом нас всех позвали на плац, тренироваться чеканить шаг, перед присягой, чтобы всё было в лучшем виде в этот торжественный день. Мы выбежали из штаба, построились на плац и вдруг один орёл с Казбека говорит мне: «Ой, Ярослав, я китель забыл в штабе. Принеси пожалуйста». Ну, просьба как просьба, помогу, не жалко. Попросил по-человечески, нам ещё служить полтора года. Сбегал принёс. Он надел. Стоим, ждём когда лейтенант придёт.

– А у меня там тысяча рублей была, – говорит он мне.

– Какая тысяча? – Спрашиваю я.

– Такая, тысяча рублей была. А сейчас нет.

– Ничем не могу помочь, – ответил я, уже поняв к чему он клонит и как я глупо попался. – Хочешь, можешь обыскать.

– Не ну зачем. К тебе же родители на присягу приедут. Пусть тебе тысячу привезут. Договорились?

– Значит так, дружок, ты мне этого не говорил, я этого не слышал. Договорились? – Как можно более холодным и уверенным тоном ответил я.

Мне было плевать чем мог закончиться этот разговор, но надо было отстаивать своё имя, иначе потом сядут на шею и пиши-пропало. Никакой штаб не поможет. К счастью всё обошлось. Поняв, что со мной этот номер не пройдёт, он пробурчав что-то невнятное себе под нос, успокоился. Больше никаких поползновений в мою сторону ни от кого из них не было.

И ещё один неприятный момент произошёл, охарактеризовавший общее моральное состояние моих сослуживцев. Произошло это за неделю до присяги. Одного парня сильно избил кавказцы. Что-то там не поделили. Начались брожения. Вроде как надо вступить за своего. Дальше слов дело не доходило. И вот чёрт меня дёрнул попробовать как-то консолидировать ребят и выступить, так сказать единым фронтом, чтобы слова не расходились с делом. Все были воодушевлены, намечался серьёзный разговор. Однако, когда дело дошло до прямого общения огромная, по началу, тол-

па рассосалась и в конечном итоге перед кавказцами остал-
ся я и ещё один парень. Ну вы понимаете, картина маслом,
конечно. Состоялся такой разговор со старшим.

– Ярослав, вот тебе оно надо?

– Ну я раз сказал «А», то надо же было сказать и «Б».

Назад то я могу переиграть.

– Это мы поняли. Но ты же видишь что все слились.

– Вижу.

– Так что давай сделаем так. Ты вот в штабе работаешь,
там и работай. Мы к тебе не лезем и ты не лезь куда не надо.
А остальные пусть получают то что получают.

На том и порешили. Я махнул рукой на всё это и больше
никогда ни за кого не впрягался. Хотя, конечно, были слу-
чай, когда это было мучительно больно, морально. Но, в кон-
це концов, каждый сам выбирает свой путь.

Старослужащие относились к нам очень хорошо. Никаких
особых конфликтов ни до, ни после присяги я не видел. Ско-
рее внутри нашего призыва начались свары. Но это отдель-
ная тема для исследования.

Ко мне относились все доброжелательно. Если кто-то
и хотел какую-нибудь гадость сделать, то боялся. Как же,
штабная крыса, нечего связываться с таким. Чеченцы при-
ветствуя меня чуть ли не целовались, обнимая и называя
«братом». Так и подмывало ответить словами Данилы Баг-
рова из фильма «Брат», однако, я сдерживался. Это было
неполиткорректно тогда, и уж тем более неполиткорректно

сейчас, когда я это пишу.

Наступил день присяги. Ко многим приехали родственники и друзья, ко мне тоже приехали родители. Выдали нам бракованные автоматы с кривыми дулами, выстроили на плацу, поздравили с этим знаменательным событием в нашей жизни, да и всё, само принесение присяги и вручения нам военных билетов пролетело очень быстро, мы дольше тренировались, заучивая текст присяги и маршируя по плацу, отработывая синхронность шага.

После этой торжественной церемонии была экскурсия по части, показывали родственникам в каких условиях мы будем служить. Комбат хвастался недавно сделанным ремонтом в казармах, показали столовую, баню и прочее. После, нас отпустили с родными прогуляться по Питеру. Я побывал на «Авроре», очень удивившись её миниатюрности, если честно. Посетили Спас на Крови, прогулялись по Невскому проспекту, Нескучному саду, наделали кучу красивых фотографий. А под вечер вернулся в часть.

И вот с этого момента начались все приключения. Но, как обычно, обо всём по порядку.

5

Наступили обычные армейские будни с подъемами и отбоями. Один день похож на другой. Почти вся часть с утра уезжала на объекты, а я продолжал сидеть в штабе и дремать, периодически занимаясь бумажной работой. В общем жизнь шла размеренно и начинала входить во вполне приличное и приемлемое русло. Я не стану описывать бытовуху, так сказать, вроде заправки кроватей, построений, утренних и вечерних туалетов, форм одежды. Это не интересно и вы всегда можете это узнать, как на личном опыте, так и ознакомившись со специализированными материалами. Скажу лишь, что после нескольких недель, вы вливаетесь в этот ритм и живёте в нём совершенно без проблем.

Но вот, случилось то чего в общем-то я не ожидал увидеть в нашей части.

По утру, наша рота, как обычно, совершала пробежку по плацу (ну так пару кружков, чтобы проснуться и взбодриться), а пока суть да дело, мы стояли перед крыльцом, курили и ждали сержантов, которые обычно не сильно торопились.

Кстати о сигаретах. Курящим на месяц выдавался блок сигарет под названием «Перекур». Какая же это редкостная дрянь! Ничего хуже я в жизни не курил. Неимоверно отвратительный вкус и запах, да и накуриться ими невозможно

было. А ещё выдавали спички, «противопожарные», как мы их называли. Они вспыхивали и почти сразу же тухли, можно было пол пачки извести, прежде чем удавалось прикурить одну сигарету. Некурящим же выдавали леденцы. Но я отвлёкся.

Было ясное свежее утро, немного отойдя в сторону, от общей толпы, я как-то вскользь глянул на кусты, которые росли под окнами нашей казармы. Что-то мне показалось странным. Что именно? Голая пятка в кустах. Бледная голая пятка. Подойдя поближе и раздвинув кусты я увидел труп.

Парень этот пару раз попадался мне на глаза, тихий такой скромный, с четвёртого этажа, вроде как.

Тут вышли наши сержанты, я быстро подбежал к ним и доложил о случившемся. И началось...

Через двадцать минут часть была похожа на разворошённый улей. Бегали офицеры с выпученными глазами, сержанты с красными и сосредоточенными лицами а мы, рядовые, сидя в расположении, ждали дознавателей. Потому как опрашивать решили всех, поголовно. Шутка ли? Труп солдата. Да ещё и выбросившегося из окна (или ему кто-то помог?). Почему? Кто? Зачем? Вопросов много, а дознавателей двое.

Так или иначе, но вся эта некрасивая история дошла до высшего руководства в Москве, где была собрана комиссия, направленная в нашу часть. В связи с этим, всех рядовых из штаба было решено убрать (меня в том числе), ибо их место на объектах, а не в штабе с офицерами.

Объект, который мне выпал, назвался «Шушары». Название мне не понравилось сразу (что-то крысopodobное в его звучании). Появились какие-то нехорошие предчувствия, оправданные кстати. Однако, делать нечего, приказ – есть приказ. Загрузившись в новенький ПАЗик, мы отправились на объект. Часть пути проходила по окраине города. Со скучающим видом я сидел и смотрел в окно, обозревая городской пейзаж. Ничего особенного окраина как окраина. Люди спешат по делам, шофёры улыбаются нам, солдатам, кто-то приветственно даже махал, что меня, откровенно говоря, очень удивило и смутило.

Сам объект находился за городом, но не сильно далеко от части.

Строился там, как я уже говорил выше, то ли завод, то ли ангар какой-то заграничной автомобильной компании, но пока там были только горы песка, лужи, строительные вагончики, поставленные друг на друга, да непонятные металлоконструкции, которые со временем должны были стать скелетом будущих помещений.

Выдали мне рабочую форму: бушлат на два размера больше, да сапоги на три размера больше. В общем выглядел я как Филлипок, передвигаться нормально не представлялось возможным, ходил и смешил всех окружающих, да я и сам не мог сдержать смеха от такого своего вида. Но вскоре случилась совсем не смешная история.

Был дан приказ убрать обрезки металлоконструкции с до-

роги. Такие небольшие, не сильно тяжёлые (хотя, и не скажу что совсем лёгкие), их нужно было скидывать в овраг, который шёл справа. Таскать ничего не нужно. И вот иду я, отшвыриваю эти стальные обрезки и вроде как ничего страшного, солнышко припекает, обед приближается.

Дохожу почти до конца дороги, а там немного притопленная в песке болванка, последняя осталась...

До сих пор не понимаю как это произошло, но вот страшная боль и хруст в левом колене. Оно как у кузнечика складывается и снова встаёт на место, в глазах потемнело от боли, кубарем лечу с оврага. На самом деле это всё в одно мгновение произошло, вы это дольше читали.

Лежу внизу, ничего не понимаю, боль адская. Ползу вверх. Вылез. Сижу, потираю колено. Смотрю на обрезаек, который пытался поднять, а он оказывается длинный и глубоко в песке застрял, а так как у меня сапоги на пару размеров больше были, то я на песчаном откосе подвернул ногу. Иду еле-еле. Доковылял до вагончика как во сне.

Снял сапоги и штаны, гляжу на колено, а оно на глазах становится размером с небольшой кочан капусты. Тут зашёл лейтенант Царёв, который был старшим в нашей группе, и в собственно отвечал за всё что с нами могло произойти. У него глаза лезут на лоб, спрашивает что случилось и как. Я ему рассказал, выслушал от него пару ласковых, по поводу моей неуклюжести. Конечно, он понимал, что если случится серьёзная травма, то ему влетит по полной. Быстро

встав со стула, он куда-то пулей вылетел из вагончика, прибежал через пару минут, держа в руках странный небольшой пакетик. Оказалось что это был сухой лёд «Снежок», надавив на пакетик, там начиналась какая-то химическая реакция и он становился ледяным.

Прибинтовав пакетик к колену мне было велено сидеть не двигаться и ждать, когда приедет автобус и повезёт нас в часть, на обед, где я и останусь, пока опухоль не сойдёт.

Кто же знал что это теперь надолго...

6

Где-то через неделю выяснилось, что колено у меня не проходит, хотя и не так сильно болит. В санчасти мне сделали пару каких-то уколов. Каких? От чего и для чего? Я не знаю. Но, вроде, боль стала терпимей и я искренне надеялся, что всё пройдёт. Тем не менее, на стройку меня больше не отправляли, а отправили в какую-то столовую при заводе, в городе Пушкин (не путать с Пушкино в Московской области). В мои обязанности там входило раздавать еду рабочим, мыть посуду, полы, выливать помои и быть на подхвате во время приготовления блюд. В общем тоже работа не пыльная и если бы не больное колено, то вполне себе приятное место для несения службы. Работаешь в помещении, которое чистое, отапливается, всегда рядом с едой, а не как большинство наших ребят на других объектах в холод и дождь скачут по строительным лесам и месят цемент. Никто из офицеров над тобой не стоит, которые всегда найдут чем занять солдата, если он не работает. А тут только три женщины работают. Правда они вызывали у меня довольно странные ассоциации: одна была похожа на спившуюся Пахмутову, другая на весёлую жизнерадостную хрюшку, а третья на ведьму, хотя и очень добрую. Но если честно, то коллектив был дружный и приятный.

Тем не менее, чувствовал я себя разбитым корытом и бо-

ялся за свою ногу. Так как периодически колено начинало болеть с такой силой, что хоть на стену лезь. Да ещё одна из работниц столовой перепугала меня всякими страшными историями об операциях и прочих нехороших вещах.

У меня там появилось любимое место, где я и написал несколько заметок в свой дневник. Это было хозяйственное помещение, в котором хранились овощи. Очень чистое и светлое, отделанное белым кафелем, с окном под потолком, в котором пахло морковкой, капустой, тыквой. Мне нравилось там сидеть в тишине и мечтать о чём-нибудь. Оно было отделено от столовой длинными изогнутыми тёмными коридорами и туда не доносились никакие звуки. Было тихо и спокойно.

На втором объекте я проработал недолго. Начальница столовой, видя мои муки с коленом, позвонила нашему начальнику части, подполковнику Глухарёву и сказала, что она на себя ответственность за меня брать не собирается. Пусть меня в санчасть кладут или в госпиталь отправляют, а так, хоть претензий ко мне она не имеет, как к работнику, но с таким коленом мне у неё на объекте делать нечего.

Третьего августа меня положили в нашу санчасть. Заведовал ею капитан Разумов или, как его все называли, Капитан-ракета. Почему? Об этом вы узнаете если захотите прочесть следующую главу.

Что из себя представляла санчасть? Она занимала довольно большую часть первого этажа. Вдоль центрального коридора с двух сторон шли разные помещения: палаты (большая и малая), так называемая карантинная, умывальник, туалет (о нём я отдельно расскажу), душевая, клизменная, хлораторная, физиотерапевтический кабинет (да, был и такой и даже с разными аппаратами), кабинеты фельдшера, медсестры, начальника санчасти и столовая. В общем всё вполне прилично, если честно. Не смотря на то, что это был первый этаж, решётки на окнах отсутствовали, но ручки окон оказались сняты, а где они хранились – секрет.

В санчасти лежало 13 человек, все с разными диагнозами. Кто-то лежал с сотрясением мозга, которое получил на объекте, когда ему на голову упал кирпич, кто-то с температурой, а кто-то просто с воспалением хитрости. Общались дружно, без эксцессов, не смотря на то, что все были разных призывов.

Время текло плавно и незаметно, как, наверное, оно и должно течь в лечебных заведениях. В самой же части царило оживление. Всё дело заключалось в том, что на следующий день, после того как я слёг, должен был состояться смотр, на котором собирался присутствовать некий Романович, офицер, курирующий нашу часть, и который, если чест-

но, мне был до лампочки. Но для многих в части эта фамилия что-то да значила, так как все приводили в порядок всё что можно и нельзя, начиная от одежды и заканчивая выравниванием бордюров и прополкой клумб возле штаба.

Как мне рассказывали, этот тов. Романович не очень любил начальника санчасти, капитана Разумова. Почему? Бог весть.

А почему же начмеда называли капитан-ракета? Да всё дело в его манере передвигаться по части, а именно: очень быстро, выставив одно плечо вперёд, как будто он собирался вынести невидимую дверь. Такую странную походку многие объясняли его пристрастием к «скорости» (такой наркотик), которую он употреблял в своём кабинете. Честно говоря, я такому не верил и считаю до сих пор это всего лишь слухами, совершенно не обоснованными. Со свечкой никто не стоял, за руку никто не ловил, так что оснований верить этому нет.

А вот то, что он во время ночного дежурства запирался в кабинете и резался в компьютерные игры – это верно. Такое бывало.

Когда меня положили в санчасть, то первым делом наложили гипс (от бедра и до щиколотки) и выдали костыли, которые оказались на пару размеров больше (но других просто не нашлось). Передвигаться на них было пыткой. Однако, выбирать не приходилось.

И вот наступило, так называемое, «утро стрелецкой казни» – смотр. Всех кто мог ходить, из санчасти выгнали

на плац. Меня же, с моими костылями, оставили одного в санчасти, сидеть возле входной двери, дежурить. Сидел, читал Новый Завет в мягкой обложке, который каким-то чудом оказался в моей прикроватной тумбочке. Раздался топот по лестнице. Стук в дверь.

– Звание, цель визита, – прокричал я, заученную фразу. Оказалось что это весь состав санчасти вернулся назад, так как калеки и больные в строю не нужны. Однако, проверка по части всё равно обещалась быть. Следовательно, тов. Романович к нам заглянет на огонёк. Что он и не преминул сделать, где-то через час.

Когда он вошёл в палату, была дана команда «смирно» и мы по стойке смирно встали возле своих кроватей. Стоять смирно с гипсом и костылём было не очень удобно, к тому же я немного замешкался и чуть не рухнул, чем привлёк к себе общее внимание и был первым к кому подошла делегация, состоявшая из комбата части, начмеда, тов. Романовича и ещё пары офицеров, сопровождавших его.

– Ну что боец, как самочувствие? – Спросил Романович, безуспешно желая придать своему голосу отеческую нотку.

Я ответил что всё терпимо, но могло бы быть и получше, рассказал как это произошло, что терплю, но колено болит. Он нахмурился и глянул на капитана Разумова, но промолчал. Быстро осмотрев санчасть он ушёл проверять казармы. А мы все дружно выдохнули.

Уж не знаю какой там состоялся разговор, но после этого

визита мне стали ещё и капельницы ставить с физраствором. Зачем? Понятия не имею, но по две стекляшки в день ставили, а каждая из них это 200 мл между прочим. И я всегда боялся, когда в бутылке заканчивалась жидкость. Страх вызвала мысль о возможном попадании воздуха в вену. Потом-то я научился не только сам вовремя перекрывать клапан, но и вытаскивать иглу из вены.

Именно после капельниц я прочувствовал свои почки, потому что они начали болеть, и по малой нужде бегал часто, а с моей загипсованной ногой и костылём, да ещё мокрым кафельным полом в сортире, это так себе удовольствие.

По ночам колено ныло со страшной силой, просыпался и не мог нормально уснуть. Сон приходил лишь под утро, но быстро развеивался, когда за стеной слышался конский топот. Это роты, спускались по лестнице на утреннюю пробежку в 6 утра.

Через пару дней пришёл сам подполковник Глухарёв и сказал что меня надо срочно направлять в госпиталь на обследование. Начмед был всегда только за это, но без одобрения комбата не мог ничего сделать. А комбату было по барабану, и, скорее всего, только после пары слов от Романовича он решил что-то предпринять.

Перед поездкой на обследование я решил принять душ. Необходимость в этом назрела, ведь за окном август месяц, жара стояла страшная. Все потные, вонючие.

Но тут встал вопрос – как я буду мыться? Гипс то с меня

снимать никто не собирался. Марат, фельдшер, предложил закатать гипс в целлофан. Замечательная идея. Но где его найти? Поскребли по сусекам и нашли штук десять пакетов, распороли их, обвязали гипс. Результатом остались довольны и я отправился в душевую. Рядом с дверью дежурил Марат и ещё один парень – это на тот случай, если я, не дай Бог, там звезданусь на мокром полу. К счастью всё обошлось.

Однако, госпитализация затягивалась и я торчал в санчасти, мучаясь по ночам от боли, а днём от скуки, потому как ни радио, ни телевизора, ни книг там не было. Вернее была когда-то библиотека при части, но всё давно было похерено, заколочено и съедено мышами.

Как-то вечером влетел в палату начмед и позвал в свой кабинет. Там уже стоял Марат с ножницами. Решили посмотреть как там моё колено поживает. Разрезав бинты, сняли гипс, а так как ноги у меня волосатые, то сами понимаете, процедура была не из приятных, хотя, вознаграждением за мучение была возможность вдоволь почесать ногу и смыть спиртовым раствором оставшуюся гипсовую пыль.

Опухоль спала, что не могло не радовать, а вот колено уехало в сторону, да и сама нога, из-за отсутствия нагрузок потеряла часть мышечной массы, тем не менее, гипс (тот же самый) был наложен обратно, перевязанный новыми бинтами. Капитан-ракета ничего не сказал, лишь покачал головой да отправил меня обратно в палату. Ночью я снова плохо спал, а в обрывочных снах видел дом, родных и друзей.

Одиннадцатого августа был день строителя, который в части отмечался как профессиональный. Все отдыхали. В соседней палате ребята, разжившись гашишем, который поставлял через своих знакомых один кавказец, всю ночь барагозили, ржали как кони и грызли сухую лапшу от Доширака.

Была в санчасти и медсестра, Людмила Петровна, женщина бальзаковского возраста и своеобразного склада ума, живущая в каком-то своём мире и лишь изредка возвращавшаяся в этот. У меня было впечатление, что она постоянно под кайфом находится. Её слова, действия, озвученные мысли – всё это было в высшей степени странным. Я до сих пор не могу понять какие же чувства она во мне вызывала – то ли раздражение, то ли жалость, то ли просто смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.